

# В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИИ

## Обзор правовых позиций в постановлениях Конституционного Суда России

DOI: 10.21128/1812-7126-2018-5-138-153

ИЮНЬ • 2018

**Постановление от 14 июня 2018 года № 23-П по делу о проверке конституционности части 1 статьи 1.7 и части 4 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 4 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и пункта 4 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности”»**

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201806150010; дата опубликования: 15.06.2018)

*Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.*

**Правовые категории в Постановлении:** юридическая ответственность; уголовный процесс; рассмотрение дел об административных правонарушениях; административные правонарушения; действие закона во времени; декриминализация преступлений.

**Заявители:** граждане А. И. Заляутдинов, Н. Я. Исмагилов, О. В. Чередыняк (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

**Предмет рассмотрения:** положения части 1 статьи 1.7 Кодекса РФ об административных правонарушениях во взаимосвязи с пунктом 4 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и пунктом 4 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные

законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности”» постольку, поскольку на их основании решается вопрос о возможности привлечения физических лиц к административной ответственности, предусмотренной статьёй 6.1.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях, если соответствующие деяния были совершены ими до введения данной статьи в действие, а уголовные дела в их отношении были прекращены либо не возбуждались по причине декриминализации этих деяний.

**Позиция заявителей:** оспариваемые положения нарушают конституционные права граждан, гарантированные частью 2 статьи 15, частями 1 и 2 статьи 19, статьёй 21, частью 1 статьи 46, статьёй 52, частью 2 статьи 54 и частью 2 статьи 55

Конституции РФ, поскольку они в силу своей неопределённости позволяют не привлекать к публично-правовой ответственности за совершённые до введения в действие статьи 6.1.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях неправомерные действия лиц, совершивших предусмотренное этой статьёй деяние в виде побоев или иных насильственных действий, причинивших физическую боль, вследствие устранения преступности и уголовной наказуемости таких деяний и нераспространения статьи 6.1.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях на поведение, имевшее место до вступления данной статьи в силу.

**Итоговый вывод решения:** признать оспариваемые положения не противоречащими Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу содержащиеся в них положения позволяют привлекать к административной ответственности лиц, в действиях которых будет установлен состав административного правонарушения, предусмотренного статьёй 6.1.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях, если событие соответствующего правонарушения имело место до вступления данной статьи в силу.

Конституционно-правовой смысл признанных соответствующими Конституции РФ положений, выявленный в Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

Правоприменительные решения по делам с участием граждан-заявителей, основанные на оспариваемых законоположениях в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

**Мотивы решения.** Принятие законов, устраняющих или смягчающих юридическую ответственность, по-новому определяет характер и степень общественной опасности тех или иных правонарушений и правовой статус лиц, их совершивших, вследствие чего законодатель не может не предусмотреть — исходя из конституционно-правовой обязанности распространения действия такого рода законов на ранее совершённые деяния — механизм придания им обратной силы, а уполномоченные органы не вправе уклоняться от принятия юрисдикционных решений об освобождении конкретных лиц от ответственности и наказания или о смягчении ответственности и наказания, оформляющих изменение статуса этих лиц (см.: *постановления от 20 апреля 2006 года № 4-П и от 14 июля 2015 года № 20-П; определения от 16 января 2001 года № 1-О, от 10 октября 2013 года № 1485-О и от 21 ноября 2013 года № 1903-О*).

Из закреплённых правил об обратной силе закона с неизбежностью вытекает, что не имеет обратной силы закон, вводящий уголовную ответственность за деяние, ранее признававшееся административным правонарушением. Что касается отмены законом уголовной ответственности за то или иное деяние, которая сопровождается одновременным введением за него административной ответственности, то прямое указание на то, как такой закон действует во времени, в законодательстве отсутствует. Судебная практика в этих случаях исходит в основном из общего правила, согласно которому закон, устанавливающий административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет.

Между тем административная ответственность и ответственность уголовная, будучи разновидностями публично-правовой ответственности, преследуют общую цель охраны публичных интересов, таких как защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение законности и правопорядка, в силу чего они имеют схожие задачи и принципы и тем самым дополняют друг друга.

Положение части 2 статьи 54 Конституции РФ, запрещающее привлечение к ответственности за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением, не исключает законодательной корректировки их противоправности, предполагающей допустимость преобразования составов отдельных административных правонарушений в составы преступлений и наоборот (см.: *постановления от 14 июля 2015 года № 20-П и от 10 февраля 2017 года № 2-П*). Следовательно, отмена уголовной ответственности за то или иное деяние и одновременно введение за него административной ответственности не могут рассматриваться в отрыве друг от друга. Если ответственность за деяние смягчена, но не устранена, а само деяние получило другую отраслевую юридическую квалификацию, то его декриминализация при одновременном закреплении тождественного состава административного правонарушения не может рассматриваться как установление нового противоправного деяния, не наказуемого ранее. Такая декриминализация представляет собой смягчение публично-правовой ответственности за совершение соответствующего правонарушения, проявляющееся во введении менее строгих — по сравнению с уголовными — административных санкций, меньшее по степени — по сравнению с уголовно-правовым институтом судимости — ограничение прав при применении мер административной ответственности. Отмена законом уголовной ответственности за определённое деяние с одно-

временным его переводом под действие Кодекса РФ об административных правонарушениях свидетельствует о том, что федеральный законодатель продолжает рассматривать данное деяние как правонарушающее, однако по-иному оценивает характер его общественной опасности. При оценке последствий изменения отраслевой принадлежности норм, устанавливающих наказуемость определённых форм поведения, также следует иметь в виду не только совпадение объёма запрещённого деяния (по признакам, характеризующим его объективную и субъективную стороны, субъекта, потерпевшего, предмет посягательства), но и одновременность изменения природы его противоправности, поскольку лишь синхронные изменения законодательной оценки тождественных деяний

означают преемственность правового регулирования публично-правовой ответственности. При этом перевод деяния из категории преступлений в группу административных правонарушений, влекущий смягчение ответственности за его совершение, не может расцениваться как ухудшение правового положения лица, совершившего такое деяние.

При этом не исключается правомочие федерального законодателя в случае отмены уголовной ответственности за деяние, ранее признававшееся преступлением, при одновременном введении административной ответственности за то же деяние включать в соответствующий федеральный закон переходные положения, регулирующие вопрос о применении законоположений, вносящих такие изменения.

**Постановление от 18 июня 2018 года № 24-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 7 Федерального закона «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации»**

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201806210006; дата опубликования: 21.06.2018)

*Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.*

**Правовые категории в Постановлении:** социальное государство; служба в органах внутренних дел; статус военнослужащих и приравненных к ним лиц; страхование жизни и здоровья; обязательное государственное страхование.

**Заявитель:** гражданин А. П. Звягинцев (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

**Предмет рассмотрения:** пункт 1 статьи 7 Федерального закона «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации» (в редакции, действовавшей до внесения в него изменений Федеральным законом от 2 июля 2013 года № 165-ФЗ) постольку, поскольку на его основании решается вопрос о взыскании неустойки как меры ответственности за необоснованную задержку выплаты сумм в возмещение вреда, причинённого жизни или здоровью военнослужащих и приравненных к ним лиц, в со-

ответствии с названным Федеральным законом, если предусмотренный им страховой случай наступил при отсутствии своевременно заключённого со страховой организацией договора обязательно государственного страхования.

**Позиция заявителя:** оспариваемое законоположение не соответствует статье 7 и части 1 и 2 статьи 39 Конституции РФ в части, допускающей возможность произвольного толкования понятий осуществления страхователем обязательного государственного страхования жизни и здоровья военнослужащих и приравненных к ним лиц и реализации права застрахованного лица на полное и своевременное получение страховой суммы при наступлении страхового случая, в результате чего страхователь освобождается от ответственности в виде неустойки за нарушение срока её выплаты.

**Итоговый вывод решения:** признать оспариваемое положение соответствующим Конституции РФ в той мере, в какой им предусматриваются дополнительные гарантии выплаты сумм в возмещение вреда, причинённого жизни или здоровью военнослужащих и приравненных к ним лиц, в случае ненадлежащего исполнения страхователем обязанностей по обязательному государственному

страхованию на основании названного Федерального закона.

Признать оспариваемое положение не соответствующим Конституции РФ, её частям 1 и 2 статьи 19, частям 1 и 3 статьи 37, частям 1 и 2 статьи 39, части 1 статьи 45, части 3 статьи 55, в той мере, в какой содержащееся в нём положение — по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, — допускает отказ выгодоприобретателю, представившему в страховую организацию, уполномоченную, по имеющейся у него (сообщённой ему страхователем) информации, на осуществление страховой выплаты, а при отсутствии такой информации — страхователю необходимые для принятия решения об этой выплате документы, в выплате неустойки за необоснованную задержку выплаты суммы в возмещение вреда, причинённого его жизни или здоровью, при наступлении страхового случая, предусмотренного названным Федеральным законом, если договор обязательного государственного страхования со страховой организацией своевременно не заключён.

Федеральному законодателю надлежит внести в правовое регулирование необходимые изменения, вытекающие из Постановления. Впредь до внесения в правовое регулирование надлежащих изменений оспариваемое положение подлежит применению в истолковании и порядке, данном Конституционным Судом.

Правоприменительные решения, вынесенные в отношении заявителя, основанные на оспариваемом положении в той мере, в какой оно признано не соответствующим Конституции РФ, подлежат пересмотру в установленном порядке.

**Мотивы решения.** Обязанности, возлагаемые на лиц, несущих военную и аналогичную ей службу, предполагают необходимость выполнения ими поставленных задач в любых условиях, в том числе сопряжённых со значительным риском для жизни и здоровья, что — в силу положений Конституции РФ — влечёт обязанность государства гарантировать им материальное обеспечение и компенсации в случае причинения вреда жизни или здоровью при прохождении службы. Одной из форм исполнения государством указанной конституционной обязанности является обязательное государственное страхование жизни и здоровья военнослужащих и приравненных к ним лиц, установленное в целях защиты их социальных интересов и интересов государства. Правовой механизм осуществления страховых выплат по обязательному государственному страхованию жизни и здоровья военнослужащих и приравненных к ним лиц может быть различным, но в любом случае он должен

включать эффективные гарантии прав указанных лиц, адекватные назначению данного вида страхования и характеру правоотношений, возникающих в связи с причинением вреда их жизни или здоровью при прохождении службы, включая гарантии своевременного получения страхового возмещения (см.: *постановления от 26 декабря 2002 года № 17-П, от 26 апреля 2018 года № 18-П*).

Истолкование оспариваемого положения, не предусматривающее выплату страхователем неустойки за необоснованную задержку выплаты сумм в возмещение вреда, причинённого жизни или здоровью военнослужащих и приравненных к ним лиц, при наступлении страховых случаев при отсутствии своевременно заключённого договора обязательного государственного страхования, снижает уровень государственной защиты права выгодоприобретателя на своевременное и в полном объёме соответствующее возмещение вреда, если договор обязательного государственного страхования своевременно не заключён, а следовательно, не отвечает вытекающим из взаимосвязанных положений Конституции РФ требованиям надлежащей государственной защиты прав и законных интересов военнослужащих и приравненных к ним лиц, которая в Российской Федерации как правовом и социальном государстве должна осуществляться на началах справедливости и юридического равенства.

Выплачивая страховые суммы, страховщик — хотя страховое обязательство возникает для него из гражданско-правового договора, по которому застрахованное лицо имеет статус выгодоприобретателя, — действует во исполнение публичной функции, участвуя в рамках гражданско-правового договора в реализации обязанности государства, вытекающей из Конституции РФ, компенсировать вред, причинённый жизни или здоровью застрахованного лица. Принятие на себя страховщиком данной функции не освобождает страхователя от выполнения своих обязательств перед страховщиком, а государство — от обязанности обеспечивать надлежащее финансирование указанных расходов и не исключает ответственность за их неисполнение.

Исполнение страховщиком обязанности возместить вред, причинённый жизни или здоровью военнослужащих и приравненных к ним лиц при прохождении ими службы, в рамках гражданско-правового договора не отменяет соответствующую конституционно-правовую обязанность государства, тем более в случаях, когда отсутствие договора страхования и (или) невозможность исполнения предусмотренных законом обязанностей по дого-

вору страхования не обусловлены поведением застрахованных лиц (выгодоприобретателей), которое сделало невозможным в их отношении заключение такого договора, установление либо оформление страхового случая. Само по себе отсутствие договора страхования не отменяет указанную конституционно-правовую обязанность, а, напротив, предполагает необходимость её надлежащего исполнения в специально предусмотренном законом порядке, что согласуется положениями гражданского законодательства.

Заключая со страхователями договоры обязательного государственного страхования жизни и здоровья военнослужащих и приравненных к ним лиц, страховщики принимают на себя обязательство по выплате застрахованным лицам и другим выгодоприобретателям страховых сумм и несут ответственность за её необоснованную задержку в

порядке и на условиях, установленных действующим законодательством, в том числе с учётом правовых позиций Конституционного Суда РФ. Между тем в самом заключении договора обязательного государственного страхования жизни и здоровья застрахованные лица и выгодоприобретатели участвуют, а потому непосредственно их поведением не может быть обусловлено исполнение либо неисполнение страхователем обязанностей по его заключению. Соответственно, если договор обязательного государственного страхования не заключён, а у лица, подлежащего обязательному государственному страхованию, возникло право на страховую выплату вследствие наступления страхового случая (притом что это лицо сообщило страхователю необходимые и достоверные о себе сведения), страхователь несёт ответственность, предусмотренную оспариваемым положением.

**Постановление от 20 июня 2018 года № 25-П по делу о проверке конституционности подпункта 6 пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 2 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребёнка, принять его под опеку (попечительство), взять в приёмную или патронатную семью**

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201806220003; дата опубликования: 22.06.2018)

*Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.*

**Правовые категории в Постановлении:** социальное попечительство; семейные отношения; опека и попечительство; усыновление (удочерение); защита семьи, материнства, отцовства и детства; государственная поддержка семьи; здоровье граждан.

**Заявители:** граждане К. С. и Р. С. (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

**Предмет рассмотрения:** взаимосвязанные положения подпункта 6 пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса РФ и пункта 2 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребёнка, принять его под опеку (попечительство), взять в приёмную или патронатную семью, утверждённого Постановлением Правительства РФ от 14 декабря 2013 года № 117, поскольку они служат основанием для решения вопроса о возможности усыновления (удочерения) ребёнка лицом, инфицированным вирусом иммунодефицита человека и (или) вирусом гепатита С и фактически проживающим с ним постоянно в одной семье.

**Позиция заявителей:** оспариваемые нормативные положения противоречат частям 1 и 2

статьи 19, частям 1 и 2 статьи 38, статьям 45, 46, части 3 статьи 55 Конституции РФ, поскольку в правоприменительной практике они понимаются как позволяющие отказывать гражданам, страдающим инфекционными заболеваниями, в том числе ВИЧ-инфекцией и гепатитом С, в усыновлении ребёнка только на основании диагноза без учёта иных факторов.

**Итоговый вывод решения:** признать оспариваемые положения не соответствующими Конституции РФ, её части 2 статьи 7, части 1 статьи 19, частям 1 и 2 статьи 38, части 3 статьи 55, в той мере, в какой эти положения — по смыслу, придаваемому им в системе действующего правового регулирования судебной практикой, — служат основанием для отказа лицу, инфицированному вирусом иммунодефицита человека и (или) вирусом гепатита С, в усыновлении (удочерении) ребёнка, который в силу уже сложившихся семейных отношений проживает с этим лицом, если из установленных судом обстоятельств в их совокупности следует, что усыновление позволяет юридически оформить эти отношения и отвечает интересам ребёнка.

Судебные акты по делу заявителей, основанием для вынесения которых послужили оспариваемые положения в той мере, в какой они признаны

не соответствующими Конституции РФ, подлежат пересмотру в установленном порядке.

**Мотивы решения.** Семья, материнство и детство в их традиционном, воспринятом от предков понимании представляют собой те ценности, которые гарантируют непрерывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа России. Конституционный принцип государственной поддержки и защиты семьи, лежащий наряду с международными принципами и нормами в основе правового регулирования семейных отношений, предполагает приоритет семейного воспитания детей, заботу об их благосостоянии и развитии, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечение беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, судебную защиту этих прав, которые могут быть ограничены федеральным законом в конституционно одобряемых целях.

Предоставление возможности усыновления ребёнка при условии совместного проживания с одним из его родителей отчиму или мачехе — при отсутствии другого родителя, лишения его родительских прав либо его согласия на усыновление — направлено на создание полноценной семьи, позволяет супругам в полной мере и равным образом осуществлять родительские права и обязанности, а для самого усыновлённого ребёнка, тем более при наличии у супругов общих детей, имеет существенное социально-психологическое и правовое значение и служит дополнительной гарантией равенства положения детей в семье.

Само по себе установление ограничений права на усыновление отвечает конституционным принципам и международным обязательствам России и согласуется с закреплёнными в законодательстве целями государственной политики в интересах детей (см.: *Постановление от 31 января 2014 года № 1-П*). При этом вводимые ограничения вытекающего из Конституции РФ и находящегося под защитой государства права на усыновление детей не должны влечь несоразмерного, не согласующегося с конституционным статусом личности ограничения конституционных прав в указанной сфере и тем самым препятствовать надлежащему обеспечению как интересов семьи в целом, так и интересов усыновляемого ребёнка.

В настоящий момент мировым сообществом признано, что наличие у лица ВИЧ-инфекции не должно рассматриваться в качестве создающего угрозу для здоровья населения, поскольку вирус иммунодефицита человека, хотя он и является ин-

фекционным, передаётся через конкретные контакты, которые почти всегда являются частными (см.: *Постановление от 12 марта 2015 года № 4-П*). Тем не менее, поскольку контакт усыновителя с усыновлённым объективно может оказаться ближе, чем обычные контакты через воздух, еду и воду, законодатель вправе проявлять определённую осторожность в регулировании вопроса об усыновлении при наличии у усыновителя ВИЧ-инфекции и (или) гепатита С, для которого характерны аналогичные ВИЧ-инфекции способы передачи. Следовательно, установленное в системе действующего правового регулирования ограничение на усыновление детей соответствующей категорией лиц направлено на то, чтобы не подвергать здоровье усыновляемых детей чрезмерному риску со стороны усыновителей, что в целом отвечает конституционно значимой цели — защите прав и законных интересов ребёнка.

Вместе с тем оспариваемые положения рассматриваются в судебной практике как предполагающие отказ гражданину, намеревающему усыновить ребёнка, в удовлетворении заявленного требования при формальном подтверждении одного только факта наличия у него ВИЧ-инфекции и (или) гепатита С. Таким образом — в нарушение предписаний Конституции РФ — исключается возможность учёта в конкретных жизненных ситуациях всех заслуживающих внимания обстоятельств, в том числе свидетельствующих, что ребёнок уже проживает в семье гражданина, намеревающегося его усыновить, а усыновление позволяет лишь юридически оформить сложившиеся между ними отношения родителя и ребёнка, не увеличивая (ввиду их нахождения в одном жизненном пространстве) риски для его здоровья.

**Акты международного права, использованные в Постановлении:** Декларация прав ребёнка (принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 1386 (XIV) от 20 ноября 1959 года); Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 41/85 от 3 декабря 1986 года); Конвенция о правах ребёнка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года) (преамбула, пункт 2 статьи 3, статья 4 и пункт 1 статьи 27); Заявление Объединённой программы ООН по ВИЧ/СПИДу и Международной организации по миграции об ограничениях права на передвижение в связи с ВИЧ/СПИДом (июнь 2004 года).

**Постановление от 28 июня 2018 года № 26-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 153 Трудового кодекса Российской Федерации**

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201806290040; дата опубликования: 29.06.2018)

*Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.*

**Правовые категории в Постановлении:** право на труд; работа в выходной или нерабочий праздничный день; система оплаты труда, включающая компенсационные и стимулирующие выплаты; право работника на справедливую заработную плату; принцип равенства.

**Заявители:** граждане Д. В. Апухтин, К. К. Багиров, Т. А. Барбашина, А. А. Гаврилов, В. В. Глущенко, Н. А. Гончаренко, В. В. Кутафин, О. В. Мелькова, А. Н. Попов, С. И. Резниченко, Д. Л. Хамицкий, М. В. Черепанов и Д. Н. Шапошников (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

**Предмет рассмотрения:** положения части 1 статьи 153 Трудового кодекса РФ постольку, поскольку на её основании решается вопрос о размере оплаты за работу в выходной или нерабочий праздничный день, выполняемую сверх месячной нормы рабочего времени лицами, замещающими должности гражданского персонала воинских частей и организаций Вооружённых Сил РФ, в оплату труда которых наряду с месячным окладом (должностным окладом) включаются компенсационные и стимулирующие выплаты.

**Позиция заявителей:** оспариваемое законоположение нарушает права заявителей, гарантированные частями 1 и 2 статьи 19, частями 1–3 статьи 37 и статьёй 55 Конституции РФ, так как оно позволяет исчислять размер оплаты за работу в выходные и нерабочие праздничные дни, выполняемую гражданским персоналом воинских частей, без учёта всех установленных для данной категории работников надбавок компенсационного и стимулирующего характера.

**Итоговый вывод решения:** признать часть 1 статьи 153 Трудового кодекса РФ не противоречащей Конституции РФ, поскольку — по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования — она предполагает установление для получающих оклад (должностной оклад) работников, замещающих должности гражданского персонала воинских частей и организаций Вооружённых Сил РФ и привлекавшихся к работе в выходные и (или) нерабочие праздничные дни сверх месячной нормы рабочего времени, если эта работа не компенсировалась предоставлением им другого дня отдыха, оплаты за работу в выходной и (или) нерабочий

праздничный день, включающей наряду с тарифной частью заработной платы, исчисленной в размере не менее двойной дневной или часовой ставки (части оклада (должностного оклада) за день или час работы), все компенсационные и стимулирующие выплаты, предусмотренные установленной для них системой оплаты труда.

Конституционно-правовой смысл части 1 статьи 153 Трудового кодекса РФ, выявленный в Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное её истолкование в правоприменительной практике.

Правоприменительные решения по делам заявителей, вынесенные на основании части 1 статьи 153 Трудового кодекса РФ в истолковании, расходящемся с её конституционно-правовым смыслом, выявленным в Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

**Мотивы решения.** Правовое регулирование оплаты труда лиц, работающих по трудовому договору, должно гарантировать установление им заработной платы в размере, обусловленном объективными критериями, отражающими квалификацию работника, характер и содержание его трудовой деятельности и учитывающими условия её осуществления, которые в совокупности определяют объём выплачиваемых работнику денежных средств, необходимых для нормального воспроизводства рабочей силы; при этом определение конкретного размера заработной платы должно не только основываться на количестве и качестве труда, но и учитывать необходимость реального повышения размера оплаты труда при отклонении условий работы от нормальных (см.: *Постановление от 7 декабря 2017 года № 38-П; Определение от 8 декабря 2011 года № 1622-О-О*).

Установленный особый порядок оплаты труда в выходной и нерабочий праздничный день призван не только обеспечить работнику оплату за работу в выходной или нерабочий праздничный день в повышенном размере и компенсировать тем самым отрицательные последствия отклонения условий его работы от нормальных, но и гарантировать эффективное осуществление им права на справедливую заработную плату, что отвечает целям трудового законодательства и согласуется с основными направлениями государственной политики в области охраны труда, одним из которых является приоритет сохранения жизни и здоровья

работников. Из положений трудового законодательства однозначно следует, что работа в выходной или нерабочий праздничный день должна оплачиваться в большем размере, чем аналогичная работа, произведённая в обычный рабочий день.

Предусмотренные в рамках конкретной системы оплаты труда компенсационные и стимулирующие выплаты, применяемые в целях максимального учёта разнообразных факторов, характеризующих содержание, характер и условия труда, прочие объективные и субъективные параметры трудовой деятельности, начисляются к окладу (должностному окладу) либо тарифной ставке работника и являются неотъемлемой частью оплаты его труда, следовательно, должны учитываться работодателем при определении заработной платы работника и начисляться за все периоды работы, включая и выходные, и нерабочие праздничные дни. Иное означало бы произвольное применение действующей в соответствующей организации системы оплаты труда, а цель установления компенсационных и стимулирующих выплат не достигалась. В то же время порядок учёта выплат, входящих в состав заработной платы, при исчислении размера оплаты за работу в выходной или нерабочий праздничный день, если принятая в соответствующей организации система оплаты труда включает в себя наряду с тарифной частью заработной платы компенсационные и стимулирующие выплаты,

непосредственно не определён. Однако при такой системе оплаты труда тарифная часть, как правило, не является преобладающей, следовательно, применение только гарантированной частью 1 статьи 153 Трудового кодекса РФ минимума (двойная дневная или часовая ставка, двойная часть оклада) без учёта компенсационных и стимулирующих выплат означало бы оплату за работу в выходной или нерабочий праздничный день в меньшем размере, чем за работу в обычный рабочий день, что противоречит принципу равной оплаты за труд равной ценности и законодательно закреплённому требованию обеспечения работникам справедливой заработной платы.

Иное понимание данной нормы приводило бы к утрате реального содержания гарантии повышенной оплаты труда в связи с работой в условиях, отклоняющихся от нормальных, и тем самым — к нарушению конституционного права на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и права работника на справедливую заработную плату.

**Акты международного права, использованные в Постановлении:** Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года (статья 23); Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 года (статья 7); Европейская социальная хартия от 3 мая 1996 года (статья 4 части II).

## ИЮЛЬ • 2018

### Постановление от 2 июля 2018 года № 27-П по делу о проверке конституционности абзаца второй части 6 статьи 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201807050001; дата опубликования: 05.07.2018)

*Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.*

**Правовые категории в Постановлении:** разграничение предметов ведения между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации; соглашение о передаче осуществления полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях; принцип правовой определённости; принцип равенства.

**Заявитель:** Законодательное Собрание Ростовской области (в порядке части 2 статьи 125 Конституции РФ).

**Предмет рассмотрения:** абзац второй части 6 статьи 28.3 Кодекса РФ об административных

правонарушениях постольку, поскольку на его основании в системе действующего правового регулирования решается вопрос о возможности составления должностными лицами органов внутренних дел (полиции) протоколов о посягающих на общественный порядок и общественную безопасность административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации.

**Позиция заявителя:** оспариваемое законоположение вступает в противоречие с частью 1 статьи 1, частью 2 статьи 4, статьёй 10, частями 1 и 2 статьи 15, частями 1 и 2 статьи 19, частью 1 статьи 45 Конституцией РФ, поскольку устанавли-

вает в качестве императивного условия наделения должностных лиц органов внутренних дел (полиции) правом составления протоколов о предусмотренных законами субъектов Российской Федерации административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, заключение между Министерством внутренних дел РФ как федеральным органом исполнительной власти и органами исполнительной власти заинтересованных субъектов Российской Федерации соглашений о передаче осуществления части соответствующих полномочий.

**Итоговый вывод решения:** признать оспариваемое положение не противоречащим Конституции РФ.

**Мотивы решения.** Субъекты Российской Федерации вправе принимать собственные законы об административной ответственности за нарушения общественного порядка и общественной безопасности, если они не противоречат федеральному законодательному регулированию ответственности за административные правонарушения; устанавливая административную ответственность за деяния, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность, субъекты Российской Федерации не должны вторгаться в сферу общественных отношений, относящихся к предметам ведения Российской Федерации, и в закреплённые федеральным законом за федеральными органами государственной власти полномочия по предметам совместного ведения, а также отступать от общих требований, предъявляемых к правовому регулированию административной ответственности и порядка производства по делам об административных правонарушениях (см.: *постановления от 18 января 1996 года № 2-П, от 9 января 1998 года № 1-П, от 21 декабря 2005 года № 13-П, от 24 декабря 2013 года № 30-П, от 1 декабря 2015 года № 30-П, от 28 марта 2017 года № 10-П*).

Отсутствие заключённых с компетентным федеральным органом исполнительной власти соглашений о передаче должностным лицам органов внутренних дел (полиции) полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, не лишает субъекты Российской Федерации адекватных юридических возможностей для процессуального обеспечения применения установленной ими административной ответственности за нарушения общественного порядка и общественной безопасности. Действующее законодательство не запрещает участие должностных лиц органов внутренних

дел (полиции) в производстве по делам об административных правонарушениях, ответственность за которые установлена законами субъектов Российской Федерации, а также наделяет любых должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, правом применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении. При этом возбудить дело о любом административном правонарушении, ответственность за которое предусмотрена в том числе законом субъекта Российской Федерации, может прокурор.

Оспариваемое положение соответствует критериям ясности, чёткости и недвусмысленности правовых норм, поскольку порядок заключения между органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и Министерством внутренних дел РФ соответствующих соглашений детально урегулирован федеральным законодательством и подзаконными нормативными актами. Такое регулирование исключает как произвольный отказ Министерства внутренних дел РФ от подписания соглашения, содержание которого отвечает предъявляемым нормативным требованиям, так и принуждение к его заключению органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации вопреки положениям конституций (уставов) и законов данных субъектов Российской Федерации и (или) на неприемлемых для них условиях.

Возложение на субъекты Российской Федерации в случае заключения с Министерством внутренних дел РФ соглашений, предусмотренных оспариваемым положением, обязанности по передаче необходимых для их исполнения финансовых средств — особенно принимая во внимание зачисление уплаченных сумм административных штрафов, наложенных за совершение административных правонарушений, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, в бюджеты соответствующих субъектов Российской Федерации по нормативу 100 процентов — не может рассматриваться как препятствующее им в защите прав и свобод человека и гражданина и в обеспечении законности, правопорядка и общественной безопасности. При этом, как свидетельствует сложившаяся практика, субъекты Российской Федерации во всяком случае не были бы освобождены от бремени несения бюджетных расходов по материально-техническому обеспечению реализации полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях при осуществлении соответствующих полномочий должностными лицами региональных органов государственной власти или органов местного самоуправления.

Таким образом, принимая оспариваемое положение, федеральный законодатель, соблюдая конституционное разграничение полномочий федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения

Российской Федерации и образующих её субъектов, не допустил каких-либо отступлений от конституционных принципов федеративного правового государства, верховенства закона, разделения властей и юридического равенства и не вышел за пределы своих дискреционных полномочий.

### Постановление от 3 июля 2018 года № 28-П по делу о проверке конституционности пункта шестого статьи 1232 Гражданского кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201807060014; дата опубликования: 06.07.2018)

**Правовые категории в Постановлении:** государственная регистрация перехода исключительного права; товарный знак; реорганизация юридического лица.

**Заявитель:** Суд по интеллектуальным правам (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

**Предмет рассмотрения:** пункт 6 статьи 1232 ГК РФ постольку, поскольку на его основании в системе действующего правового регулирования решаются вопросы о переходе исключительного права на товарный знак к юридическому лицу, реорганизованному путём присоединения к нему другого юридического лица — правообладателя данного товарного знака, и о возможности продления срока действия исключительного права на него по ходатайству юридического лица — правопреемника правообладателя товарного знака, притом что за государственной регистрацией перехода исключительного права на данный товарный знак правопреемник в федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности (Роспатент) ранее не обращался.

**Позиция заявителя:** оспариваемое законоположение противоречит части 1 статьи 1, части 1 статьи 34, части 3 статьи 35, части 1 статьи 44, части 1 статьи 45, части 1 статьи 46 и части 3 статьи 55 Конституции РФ, поскольку во взаимосвязи с абзацем вторым пункта 4 статьи 57, пунктом 1 статьи 58 и пунктом 2 статьи 1232 ГК РФ порождает неопределённость относительно момента перехода исключительного права на товарный знак в случае реорганизации юридического лица путём присоединения к нему другого юридического лица — правообладателя данного товарного знака, а также относительно возможности реорганизованного юридического лица — правопреемника правообладателя товарного знака обращаться в Роспатент за продлением срока действия исключительного права на данный товарный знак, если переход к нему этого права ранее не зарегистрирован в

Роспатенте, что ведёт к произвольному правоприменению и тем самым — к нарушению гарантий государственной, в том числе судебной, защиты конституционных прав и свобод граждан.

**Итоговый вывод решения:** признать оспариваемое положение не противоречащим Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования содержащееся в нём положение предполагает, что:

при реорганизации юридических лиц в форме присоединения юридического лица к другому юридическому лицу исключительное право на товарный знак считается перешедшим к последнему с момента внесения в единый государственный реестр юридических лиц записи о прекращении деятельности присоединённого юридического лица, притом что реализация правомочий, составляющих содержание данного права, в полном объёме возможна только при условии государственной регистрации состоявшегося перехода права в установленном порядке;

при решении вопроса о продлении срока действия исключительного права на товарный знак по заявлению юридического лица, к которому исключительное право на этот товарный знак перешло в результате реорганизации в форме присоединения к нему другого юридического лица, при отсутствии государственной регистрации его перехода обеспечивается рассмотрение данного вопроса одновременно с вопросом о государственной регистрации перехода исключительного права на товарный знак.

Конституционно-правовой смысл пункта 6 статьи 1232 ГК РФ, выявленный в Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное его истолкование в правоприменительной практике.

**Мотивы решения.** Обеспечивая публичность и достоверность сведений, вносимых в Государст-

венный реестр товарных знаков, государственная регистрация товарных знаков направлена на защиту прав их обладателей и иных лиц и, следовательно, обеспечивает устойчивость гражданского оборота в целом. Государственная регистрация перехода исключительного права на товарный знак в случае универсального правопреемства при реорганизации юридических лиц в форме присоединения юридического лица к другому юридическому лицу носит правоподтверждающий, а не правообразующий характер и, будучи формальным условием обеспечения государственной, в том числе судебной, защиты права, не затрагивает самого его содержания и призвана лишь удостоверить со стороны государства принадлежность данного права определённому лицу.

При присоединении одного юридического лица к другому не возникает сомнений в том, какое именно юридическое лицо будет правопреемником, — в отличие от других форм реорганизации, когда правопреемник может быть неочевиден. При этом права и обязанности присоединённого юридического лица переходят с момента внесения в единый государственный реестр юридических лиц записи о прекращении его деятельности, что позволяет обеспечить непрерывность осуществления прав и обязанностей в порядке универсального правопреемства, призванного гарантировать сохранение обязательств и их исполнение за счёт имущества, созданного в результате реорганизации юридического лица (см.: *Постановление от 1 марта 2012 года № 5-П; Определение от 7 декабря 2010 года № 1620-О-О*).

Такой порядок перехода прав, однако, не исключает наличия для юридического лица — правопреемника определённых условий, необходимых для осуществления своих прав в полном объёме. Одним из таких условий является государственная регистрация перехода права, которая позволяет участникам соответствующих правоотношений в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретённых прав и обязанностей (см.: *постановления от 26 мая 2011 года № 10-П и от 10 ноября 2016 года № 23-П; определения от 5 июля*

*2001 года № 132-О и № 154-О, от 29 января 2015 года № 216-О и др.*).

Однако если связывать переход исключительного права на товарный знак при реорганизации юридических лиц в форме присоединения только с моментом завершения государственной регистрации этого перехода Роспатентом, то с момента внесения в единый государственный реестр юридических лиц записи о прекращении деятельности юридического лица — правопреемника и до момента завершения государственной регистрации перехода исключительного права на товарный знак к правопреемнику оно оставалось бы без правообладателя, что лишило бы данное исключительное право судебной защиты и — вопреки предписаниям Конституции РФ — нарушало бы имущественные и иные права как самого правопреемника, так и иных лиц.

Поскольку, по общему правилу, лицо, которому принадлежит имущество, несёт бремя его содержания, охватывающее и государственную регистрацию права на такое имущество его обладателем, требования справедливости, а также разумности и добросовестности при осуществлении гражданских прав предполагают, что аналогичное бремя должно нести и лицо, которому принадлежат имущественные права на иные, помимо вещей, объекты гражданских прав. Исходя из этого не исключено установление федеральным законодателем разумных сроков, в пределах которых должна быть осуществлена регистрация перехода исключительного права на товарный знак в порядке универсального правопреемства, и определённые соразмерных последствий, не связанных с его прекращением помимо воли правообладателя, в случае несоблюдения этих сроков в пределах срока действия исключительного права на товарный знак.

**Акты международного права, использованные в Постановлении:** Конвенция по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 года; Мадридское соглашение о международной регистрации знаков от 14 апреля 1891 года; Договор о законах по товарным знакам от 27 октября 1994 года; Сингапурский договор о законах по товарным знакам от 27 марта 2006 года.

## Постановление от 6 июля 2018 года № 29-П по делу о проверке конституционности пункта 1 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201807090006; дата опубликования: 09.07.2018)

*Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.*

**Правовые категории в Постановлении:** пересмотр дела по новым обстоятельствам; признание нормативного правового акта недействующим; право на судебную защиту.

**Заявитель:** общество с ограниченной ответственностью «Альбатрос» (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

**Предмет рассмотрения:** пункт 1 части 3 статьи 311 АПК РФ постольку, поскольку на его основании арбитражным судом решается вопрос о пересмотре принятого по гражданскому делу судебного акта в связи с таким новым обстоятельством, как признание положенного в его основу нормативного правового акта недействующим с момента вступления в законную силу решения об этом, вынесенного судом общей юрисдикции по административному иску лица, участвовавшего в данном гражданском деле.

**Позиция заявителя:** оспариваемое положение, действующее с учётом толкования, данного ему в пункте 7 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июня 2011 года № 52 «О применении положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам» по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, противоречит статьям 18, 46 и 53 Конституции РФ, гарантирующим право каждого на судебную защиту, включая возможность обжаловать в суд незаконные решения и действия (бездействие) органов государственной власти, и право на возмещение государством причинённого ими вреда, поскольку препятствует пересмотру по новым обстоятельствам судебного акта, в основу которого арбитражным судом положен нормативный правовой акт, признанный в дальнейшем судом общей юрисдикции по административному исковому заявлению недействующим с момента вступления судебного решения об этом в законную силу, и тем самым исключает восстановление имущественных прав административного истца, ранее нарушенных применением в его деле этого нормативного правового акта.

**Итоговый вывод решения:** признать оспариваемое положение не противоречащим Конституции РФ, поскольку оно — по своему конституци-

онно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования — не препятствует пересмотру по новым обстоятельствам вступившего в законную силу судебного акта арбитражного суда по заявлению лица, в связи с административным иском которого положенный в основу этого судебного акта нормативный правовой акт признан недействующим судом общей юрисдикции, вне зависимости от того, с какого момента данный нормативный правовой акт признан недействующим.

Конституционно-правовой смысл пункта 1 части 3 статьи 311 АПК РФ, выявленный в Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное его истолкование в правоприменительной практике.

Правоприменительные решения, принятые по делу заявителя на основании оспариваемого положения в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным в Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

**Мотивы решения.** У административного истца, являющегося (являвшегося) одновременно участником гражданского дела, имеется юридическая заинтересованность в рассмотрении по существу его заявления об оспаривании подлежащих применению (применённых) в этом гражданском деле положений нормативного правового акта (см.: *Постановление от 6 декабря 2017 года № 37-П*). Кроме того, обращаясь за судебной защитой в порядке административного судопроизводства, лицо предпринимает усилия для отстаивания своей позиции, а также несёт временные и финансовые издержки, в том числе на уплату государственной пошлины при подаче административного искового заявления и жалобы на принятое решение, на оплату услуг представителя, а потому имеет разумные основания ожидать, что решение об удовлетворении его требования будет способствовать дальнейшей защите его имущественных и иных прав в арбитражном суде.

Невозможность для лица извлечь благоприятные правовые последствия из судебного решения, которым удовлетворено его административное исковое заявление о признании нормативного правового акта недействующим, ставила бы такое лицо в неравное положение по сравнению с теми, кто будет испытывать на себе положительное воз-

действие указанного решения в дальнейшем, не приложив собственных усилий к устранению из правового поля незаконного нормативного правового акта.

Принимая во внимание необходимость использовать эффективные, соразмерные и адекватные природе нарушенных прав средства их защиты и восстановления, при оценке правовых последствий признания судом общей юрисдикции незаконности нормативного правового акта, послужившего основанием для принятия арбитражным судом решения по конкретному гражданскому делу, следует учитывать правовую модель, востребованную для регулирования не тождественных, но сходных правоотношений, связанных с осуществлением конституционного правосудия.

Подход, предусматривающий пересмотр конкретного дела, по крайней мере, лица, обратившегося в Конституционный Суд, хотя не исключаящий, с учётом предназначения конституционного правосудия, при соблюдении некоторых условий пересмотр и других ранее вынесенных судебных решений, обусловлен, как отмечал Конституционный Суд, целями соблюдения баланса принципов правовой определённости в спорных материальных правоотношениях, стабильности гражданско-

го оборота, с одной стороны, а с другой — справедливого судебного разбирательства, не совместимого с ошибочным судебным актом (см.: *Постановление от 8 ноября 2012 года № 25-П; определение от 14 января 1999 года № 4-О и от 5 февраля 2004 года № 78-О*).

Баланс указанных конституционных ценностей не нарушается и в случае пересмотра по новым обстоятельствам арбитражным судом того конкретного дела, в связи с принятием решения по которому лицо — сторона спорного материального правоотношения обратилось в суд с административным иском заявлением об оспаривании применённого арбитражным судом в этом деле нормативного правового акта.

**Акты международного права, использованные в Постановлении:** Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года (статья 13); постановления Европейского Суда по правам человека от 30 октября 1991 года по делу *Вилвараджа (Vilvarajah) и другие против Соединённого Королевства*, от 15 ноября 1996 года по делу *Чахал (Chahal) против Соединённого Королевства*, от 24 июля 2003 года по делу *Рябых против России*, от 18 ноября 2004 года по делу *Праведная против России*.

### **Постановление от 10 июля 2018 года № 30-П по делу о проверке конституционности части 1 статьи 157 Жилищного кодекса Российской Федерации, абзацев третьего и четвёртого пункта 42(1) Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов**

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201807120014; дата опубликования: 12.07.2018)

**Правовые категории в Постановлении:** право на жилище; плата за коммунальные услуги; негативное воздействие на окружающую среду; принцип равенства.

**Заявитель:** гражданин С. Н. Деминец (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

**Предмет рассмотрения:** взаимосвязанные положения части 1 статьи 157 Жилищного кодекса РФ и абзаца третьего пункта 42(1) Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов постольку, поскольку на их основании в системе действующего правового регулирования разрешается вопрос об определении размера платы за коммунальную услугу по отоплению для собственников и пользователей помещений в многоквартирном доме, который при вводе в эксплуатацию, в том числе после капитального

ремонта, в соответствии с нормативными требованиями был оснащён коллективным (общедомовым) прибором учёта тепловой энергии и жилые и нежилые помещения в котором были оборудованы индивидуальными приборами учёта тепловой энергии, но их сохранность в отдельных помещениях не была обеспечена.

**Позиция заявителя:** оспариваемые нормативные положения не соответствуют части 3 статьи 17, статьям 18, 19 и частям 2 и 3 статьи 55 Конституции РФ в той мере, в какой эти положения — по смыслу, придаваемому им в системе действующего правового регулирования правоприменительной практикой, — ставят права и законные интересы одних собственников помещений в многоквартирном доме в зависимость от недобросовестного поведения других собственников помещений в этом доме, не обеспечивших сохранность

индивидуальных приборов учёта тепловой энергии; позволяют собственникам помещений в многоквартирном доме, чрезмерно расходующим тепло, обогащаться за счёт соседей; порождают правовой нигилизм, стимулируя граждан к массовому отказу от расчётов с использованием индивидуальных приборов учёта, что, в свою очередь, причиняет убытки добросовестным и законопослушным собственникам помещений в многоквартирном доме, а также лишают граждан возможности самостоятельно определять способ справедливого распределения платы за потреблённый в доме в целом коммунальный ресурс.

**Итоговый вывод решения:** признать оспариваемые положения не соответствующими Конституции РФ, её части 3 статьи 17, части 1 статьи 19, статье 35 и части 3 статьи 55, в той мере, в какой эти положения — по смыслу, придаваемому им в системе действующего правового регулирования правоприменительной практикой, — не предусматривают возможность учёта показаний индивидуальных приборов учёта тепловой энергии при определении размера платы за коммунальную услугу по отоплению в многоквартирном доме, который при вводе в эксплуатацию, в том числе после капитального ремонта, в соответствии с нормативными требованиями был оснащён коллективным (общедомовым) прибором учёта тепловой энергии и жилые и нежилые помещения в котором были оборудованы индивидуальными приборами учёта тепловой энергии, но их сохранность в отдельных помещениях не была обеспечена.

Федеральному Собранию и Правительству РФ надлежит внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения, руководствуясь правовыми позициями, выраженными в Постановлении.

Судебные акты, вынесенные в отношении заявителя и основанные на оспариваемых положениях, в той мере, в какой они признаны не соответствующими Конституции РФ, подлежат пересмотру в установленном порядке.

**Мотивы решения.** На государстве в лице органов законодательной и исполнительной власти лежит обязанность обеспечить необходимые правовые, организационные и экономические условия для приобретения гражданами коммунальных ресурсов (коммунальных услуг) в объёме, достаточном для удовлетворения их жизненных потребностей, и надлежащего качества (см.: *Определение от 10 октября 2017 года № 2256-О*). Вместе с тем Конституция РФ возлагает на государство обязанность создавать условия для максимально эффективного потребления энергетических ресурсов, в том числе посредством его учёта в сфере

жилищно-коммунального хозяйства, а также принятия мер, направленных на предупреждение и минимизацию экологических рисков в жилищно-коммунальной сфере, включая меры по ресурсосбережению и повышению энергетической эффективности многоквартирных домов (см.: *Постановление от 5 марта 2013 года № 5-П*). Достижение конституционно одобряемых целей охраны частной собственности потребителей коммунальной услуги по отоплению, а также сохранения природы и окружающей среды для нынешнего и будущих поколений зависит в том числе от соответствия жилищного законодательства, определяющего порядок расчёта платы за коммунальные услуги, законодательству об энергосбережении и повышении энергетической эффективности.

Одним из действенных правовых механизмов, стимулирующих потребителей коммунальных ресурсов к эффективному и рациональному их использованию и тем самым к бережному отношению к окружающей среде, является регламентация порядка определения платы за коммунальные услуги (см.: *определения от 12 ноября 2008 года № 975-О-О, от 16 апреля 2009 года № 570-О-О и от 1 октября 2009 года № 1099-О-О*). Действующее правовое регулирование придаёт приоритетное значение данным приборам учёта энергетических ресурсов по сравнению с расчётными способами исчисления их количества при определении размера платы за поставленные энергетические ресурсы.

Нормативное положение, в силу которого плата за коммунальную услугу по отоплению определяется по принципу распределения поступающего в многоквартирный дом в целом коммунального ресурса между собственниками (владельцами) отдельных помещений с учётом площади этих помещений, то есть не принимая во внимание показания индивидуальных приборов учёта тепловой энергии, фактически, вопреки конституционному предписанию, создаёт — в ущерб интересам законопослушных собственников и пользователей помещений в конкретном многоквартирном доме — условия, поощряющие недобросовестное поведение потребителей данной коммунальной услуги, позволяя им расходовать тепловую энергию за счёт отнесения части платы за неё на иных потребителей (в том числе экономно расходующих тепловую энергию). Кроме того, его реализация приводит к не отвечающему общественным интересам росту потребления тепловой энергии в многоквартирных домах и тем самым к её перепроизводству, увеличивающему негативное воздействие на окружающую среду, что в конечном счёте препятствует достижению целей государственной поли-

тики по энергосбережению в долгосрочной перспективе.

Возможность учёта фактического потребления тепловой энергии в помещениях многоквартирного дома, оснащённых соответствующими индивидуальными приборами учёта, обуславливается наличием исправных приборов во всех иных помещениях многоквартирного дома. Тем самым нарушается конституционный принцип равенства, требующий создания равных условий для реализации своих прав и законных интересов лицами, относящимися к одной категории, и не допускающий раз-

личий, не имеющих объективного и разумного оправдания.

При этом оспариваемое положение Жилищного кодекса РФ, позволяя рассчитывать размер платы за потребляемые коммунальные услуги исходя из их объёма, который определяется по показаниям приборов учёта, не разделяет значение коллективных (общедомовых) приборов и индивидуальных приборов учёта и тем самым порождает неопределённость, создающую возможность нарушения конституционных параметров в регулировании данного вопроса Правительством РФ.

### Постановление от 12 июля 2018 года № 31-П по делу о проверке конституционности части 8 статьи 291.6 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201807130002; дата опубликования: 13.07.2018)

*Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.*

**Правовые категории в Постановлении:** право на судебную защиту; право на доступ к правосудию; арбитражный процесс; пересмотр вступивших в законную силу судебных решений; правовая определённость; стабильность правовых отношений; правовое государство; принцип равенства.

**Заявитель:** ОАО «Волгоцеммаш» (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

**Предмет рассмотрения:** часть 8 статьи 291.6 АПК РФ постольку, поскольку на её основании допускается рассмотрение Председателем Верховного Суда РФ, его заместителем жалобы, представления заинтересованного лица на определение судьи Верховного Суда РФ об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии Верховного Суда РФ и вынесение определения об отмене указанного определения судьи Верховного Суда РФ и передаче кассационных жалобы, представления вместе с делом для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии Верховного Суда РФ по истечении двухмесячного срока со дня вступления в силу последнего обжалуемого судебного акта по данному делу, установленного АПК РФ для обращения с кассационными жалобой, представлением в Судебную коллегию Верховного Суда РФ.

**Позиция заявителя:** оспариваемое положение противоречит частям 1 и 2 статьи 19, частям 1 и 2 статьи 46, части 3 статьи 55, части 1 статьи 118, части 3 статьи 123 Конституции РФ, поскольку допускает принятие и рассмотрение Председателем

Верховного Суда РФ, его заместителем жалоб участников судопроизводства на определение судьи Верховного Суда РФ об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии Верховного Суда РФ по истечении двухмесячного срока, установленного частью 1 статьи 291.2 АПК РФ для обращения с кассационными жалобой, представлением в Судебную коллегию Верховного Суда РФ, за исключением случая восстановления такого срока в предусмотренном порядке.

**Итоговый вывод решения:** признать часть 8 статьи 291.6 АПК РФ не противоречащей Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования она предполагает, что:

обращение заинтересованных лиц к Председателю, заместителю Председателя Верховного Суда РФ с просьбой не согласиться с определением судьи Верховного Суда РФ об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии Верховного Суда РФ и вынести определение о его отмене и совершении данного процессуального действия возможно только в пределах установленного законом двухмесячного срока на кассационное обжалование;

время рассмотрения этих жалобы, представления в кассационной инстанции Верховного Суда РФ при исчислении данного срока не учитывается.

Конституционно-правовой смысл оспариваемого положения, выявленный в Постановлении, является общеобязательным, что исключает лю-

бое иное его истолкование в правоприменительной практике.

Правоприменительные решения, вынесенные в отношении заявителя, если они основаны на оспариваемом положении в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным в Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

**Мотивы решения.** По своему содержанию и предназначению пересмотр вступивших в силу судебных решений является дополнительным способом обеспечения правосудности судебных решений, который, имея резервное значение, используется, когда неприменимы или исчерпаны все обычные средства процессуально-правовой защиты, и предполагает установление особых оснований и процедур производства в данной стадии процесса, соответствующих её правовой природе и предназначению (см.: *Постановление от 5 февраля 2007 года № 2-П*). Устанавливая продолжительность совершения процессуальных действий, законодатель должен обеспечить реализацию прав участвующих в деле лиц на основе баланса между правом на справедливое судебное разбирательство, предполагающим возможность исправления существенных нарушений, повлиявших на исход дела, с одной стороны, и принципом правовой определённости — с другой. В силу данного принципа, предполагающего стабильность правового регулирования и исполнимость вынесенных судебных решений, при установлении сроков, в пределах которых допускается кассационное обжалование судебных актов арбитражных судов, надлежит исходить из того, что участники соответствующих правоотношений должны иметь возможность в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретённых прав и обязанностей.

Сформированное на основе правовых позиций Конституционного Суда РФ понимание критериев соблюдения срока подачи кассационных жалобы, представления Председателю Верховного Суда РФ, его заместителю в связи с несогласием с определениями судей Верховного Суда РФ об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии Верховного Суда РФ в рамках регулирования, предусмотренного ГПК РФ, не воспринято в практике применения оспариваемого положения. Судебная коллегия по экономическим

спорам Верховного Суда РФ не рассматривает приведённые в Постановлении правовые позиции Конституционного Суда РФ как подлежащие применению в сфере арбитражного процесса. Между тем в силу универсальности конституционного права на судебную защиту правовые позиции Конституционного Суда РФ, изложенные в сохраняющих свою силу решениях (см.: *постановления от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 3 февраля 1998 года № 5-П, от 5 февраля 2007 года № 2-П и др.; определения от 13 июня 2002 года № 166-О, от 17 июня 2010 года № 896-О-О, от 23 июня 2015 года № 1364-О, от 15 мая 2017 года № 908-О и др.*), являются общеобязательными и распространяются в полной мере на нормы АПК РФ, которыми регулируются сходные отношения по пересмотру в кассационном порядке вступивших в законную силу судебных актов. В противном случае участвующие в арбитражном процессе лица были бы поставлены в неравное положение по сравнению с теми лицами, чьи аналогичные права и обязанности предусмотрены ГПК РФ, что противоречило бы конституционным принципам справедливости, равенства и соразмерности, из которых вытекает обращённый к законодателю запрет вводить различия в правовом положении лиц, принадлежащих к одной категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях).

*Обзор подготовили: Сергей Афанасьев, Владислав Челелёв.*

Библиографическое описание:

Обзор правовых позиций в постановлениях Конституционного Суда России: № 23-П — 31-П (2018) // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 5 (126). С. 138—153.

## Review of legal reasoning in the Russian Constitutional Court judgments

Nos. 23-P — 31-P • 2018

### Citation

(2018) *Obzor pravovykh pozitsiy v postanovleniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossii*: Nos. 23-P — 29-P (2018) [Review of legal reasoning in the Russian Constitutional Court judgments: Nos. 23-P — 31-P (2018)]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 27. no. 5, pp. 138—153. (In Russian).